

Министерство образования и науки Российской Федерации

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САРАТОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО»

Кафедра русской и зарубежной литературы

Иосиф Бродский: от трагического к возвышенному

АВТОРЕФЕРАТ МАГИСТЕРСКОЙ РАБОТЫ

Студентки 2 курса 251 группы
направления 45.04.01 – Филология
Института филологии и журналистики

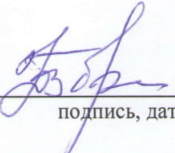
Салинкиной Марии Сергеевны
фамилия, имя, отчество

Научный руководитель
профессор, д.ф.н., доцент
должность, уч. степень, уч. звание

 1.06.18
подпись, дата

И.Ю. Иванюшина
инициалы, фамилия

Зав. кафедрой
зав. кафедрой, к.ф.н., доцент
должность, уч. степень, уч. звание

 1.06.18
подпись, дата

Ю.Н. Борисов
инициалы, фамилия

Саратов 2018 год

ВВЕДЕНИЕ

Художественная манера И. Бродского от раннего к позднему творчеству претерпела значительные изменения: поэт отказался от традиционной лирической эмоциональности и выработал бесстрастную поэтическую интонацию.

Холодность, рассудочность, отчужденность и безличность лирики И. Бродского, трудность его стихов, их звуковое однообразие и немзыкальность критиками воспринимались как прозаизация поэзии¹.

Связи поэта с предшественниками, хорошо изученные в отечественном литературоведении², показывают, что казавшаяся критикам «непоэтической» художественная манера И. Бродского обусловлена как влиянием творчества англоязычных поэтов – Дж. Донна, Т. С. Элиота и У. Х. Одена, так и наследованием русской акмеистической традиции, положившей начало петербургской поэтической школе.

---

¹ См. : Солженицын, А. И. Иосиф Бродский – избранные стихи. Из «Литературной коллекции» / А. И. Солженицын. [Электронный ресурс] : [сайт]. URL : http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1999/12/solgen.html (дата обращения : 13.10.2017). Загл. с экрана. Яз. рус. ; Колкер, Ю. И. Несколько наблюдений : О стихах Иосифа Бродского / Ю. И. Колкер // Грани. 1991. № 162. С. 109.

² См. : Снегирев, И. А. Метафизический стиль в поэзии Иосифа Бродского : автореф. дис. ... канд. филол. наук / И. А. Снегирев. Иваново, 2012. 25 с. ; Соколов, К. С. И. Бродский и У. Х. Оден : к проблеме усвоения английской поэтической традиции : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Кирилл Сергеевич Соколов. Владимир, 2003. 155 с. библиогр. : с. 136-153 ; Шайтанов, И. О. Уравнение с двумя неизвестными. Поэты-метафизики Джон Донн и Бродский / И. О. Шайтанов // Шайтанов, О. И. Дело вкуса : Книга о современной поэзии / И. О. Шайтанов. М. : Время, 2007. С. 435-480 ; Лакербай, Д. Л. Ахматова–Бродский : проблема преемственности / Д. Л. Лакербай // Иосиф Бродский и мир : Метафизика, античность, современность. СПб. : Изд-во журнала «Звезда», 2000. С. 172-184 ; Полухина, В. П. Ахматова и Бродский (к проблеме притяжений и отталкиваний) / В. П. Полухина // Ахматовский сборник. Вып. I. Париж : Институт славяноведения, 1989. С. 143-153.

Теоретическое осмысление лирики с опорой на исследования³ А. Потебни, Д. Овсянико-Куликовского, Б. Эйхенбаума, В. Жирмунского, Б. Ларина, Л. Гинзбург, Ю. Лотмана и других ученых позволяет сделать вывод, что эмоциональность, субъективность, непосредственность и музыкальность не являются ее родовыми чертами.

Следовательно, И. Бродский, стремясь к независимости от эмоциональных реакций, избегая чрезмерной сосредоточенности на личном и спонтанных лирических высказываний, не перестает быть поэтом, но реализует другой потенциал лирического творчества – всеобщность и возможности поэтического языка в его эстетической функции.

Актуальность исследования обусловлена недостаточной изученностью философской и эстетической основы «освобождения от эмоциональности»⁴ как фактора, формирующего поэтику И. Бродского.

Научная значимость исследования заключается в прояснении философско-эстетических оснований эволюции поэтики И. Бродского, а **научная новизна** – в рассмотрении позиции его лирического «я» с точки зрения эстетической категории возвышенного.

Материалом исследования послужили «большое стихотворение» «Письмо в бутылке (Entertainment for Mary)» (1964) и поэма «Новый Жюль

---

³ См. : Потебня, А. А. Общие свойства эпоса. Об Одиссее / А. А. Потебня // Потебня, А. А. Из записок по теории словесности / А. А. Потебня. Харьков : Паровая типография и литография М. Зильберберг и с-вья, 1905. С. 531-537 ; Овсянико-Куликовский, Д. Н. Лирика как особый вид творчества / Д. Н. Овсянико-Куликовский // Овсянико-Куликовский, Д. Н. Собр. соч. В 8 т. Т. 6 / Д. Н. Овсянико-Куликовский. СПб. : Издание И. Л. Овсянико-Куликовской, 1914. С. 163-207 ; Эйхенбаум, Б. М. О трагедии и трагическом / Б. М. Эйхенбаум // Эйхенбаум, Б. М. Сквозь литературу. Сб. ст. / Б. М. Эйхенбаум. Л. : Academia, 1924. С. 73-79 ; Жирмунский, В. М. О поэзии классической и романтической / В. М. Жирмунский // Жирмунский, В. М. Поэтика русской поэзии / В. М. Жирмунский. СПб. : Азбука-классика, 2001. С. 358-363 ; Ларин, Б. А. О лирике как разновидности художественной речи (Семантические этюды) / Б. А. Ларин // Ларин, Б. А. Эстетика слова и язык писателя / Б. А. Ларин. Л. : Художественная литература. Ленингр. отд-ние, 1974. С. 54-101 ; Гинзбург, Л. Я. О лирике / Л. Я. Гинзбург. М. : Интрада, 1997. 408 с. ; Лотман, Ю. М. О содержании и структуре понятия «художественная литература» / Ю. М. Лотман // Лотман, Ю. М. Избранные статьи. В 3 т. Т. 1. Таллин : Александра, 1992. С. 203-215.

⁴ Мейлах, М. Б. Освобождение от эмоциональности / М. Б. Мейлах // Иосиф Бродский глазами современников. Сб. интервью / сост. В. П. Полухина. СПб. : Изд-во журнала «Звезда», 1997. С. 158.

Верн» (1976), в качестве сопоставительного материала привлекаются стихотворения И. Бродского разных лет.

Цель работы – на всех уровнях поэтического текста исследовать трансформацию поэтики И. Бродского в связи с эволюцией его философской и эстетической позиции.

Для достижения цели необходимо решить следующие **задачи**:

– исследовать философскую и эстетическую основы установки И. Бродского на нейтрализацию эмоций в поэзии;

– проанализировать название, жанр, композицию, тему, лирический сюжет, время и пространство, образы и мотивы «Письма в бутылке...» и поэмы «Новый Жюль Верн»;

– сопоставить степень эмоциональности и субъективности лирического «я» в стихотворении и поэме, определить его позицию по отношению к предмету лирического изображения и охарактеризовать ее с философско-эстетической точки зрения;

– выявить средства выражения эмоциональности и субъективности лирического «я» в стихотворениях и средства преодоления эмоциональности и субъективности – в поэме на морфологическом, лексическом, синтаксическом, ритмико-интонационном, рифмическом, строфическом уровнях;

– определить соотношение лирического и эпического начал в поэме.

Структура выпускной квалификационной работы. Работа состоит из введения, одной главы («Эволюция философско-эстетической позиции И. Бродского: от трагического к возвышенному») с тремя параграфами («Философская и эстетическая основы „освобождения от эмоциональности“ в творчестве И. Бродского», «Трагическое. „Письмо в бутылке (Entertainment for Mary)“ (1964)», «Возвышенное. „Новый Жюль Верн“ (1976)»), заключения, списка использованных источников, включающего 214 наименований.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Глава I. Эволюция философско-эстетической позиции И. Бродского: от трагического к возвышенному

В первом параграфе первой главы исследуется эволюция философско-эстетической позиции И. Бродского. Опираясь на работы И. Плехановой⁵, Л. Лосева⁶, А. Ранчина⁷, И. Смирнова⁸, Д. Радышевского⁹ и других, мы установили, что исходной точкой философского развития И. Бродского стал экзистенциальных страх смерти и одиночество. В силу особенностей мироощущения и биографических причин трагедия для поэта была «содержанием существования»¹⁰, и он искал формы ее «проживания»¹¹. Не видя в личной трагедии ничего исключительного, он отказался от позы трагического героя. В позднем творчестве лирический субъект И. Бродского стремится к внутренней независимости от трагических обстоятельств и стоическому бесстрастию.

И. Плеханова рассматривает творчество И. Бродского в посттрагической парадигме мышления. Понятие «посттрагическое», в противовес классической трагедии, предполагает длительность трагического конфликта, его принципиальную неразрешимость и, как следствие, – «невозможность катарсиса»¹², но не характеризует иное, отличное от трагического, мироощущение.

В классической эстетике наиболее точно позиции И. Бродского по отношению к трагедии соответствует категория возвышенного, которая, на наш взгляд, является эстетическим эквивалентом философии стоицизма. Автор

---

⁵ Плеханова, И. И. Метафизическая мистерия Иосифа Бродского. Поэт времени / И. И. Плеханова. Томск : ИД СК-С, 2012. 384 с.

⁶ Лосев, Л. В. Иосиф Бродский : Опыт литературной биографии / Л. В. Лосев. М. : Молодая гвардия, 2008. 447[1] с. : ил. (Жизнь замечательных людей : сер. биогр. ; вып. 1099).

⁷ Ранчин, А. М. «Человек есть испытатель боли...» : Религиозно-философские мотивы поэзии Бродского и экзистенциализм / А. М. Ранчин // Октябрь. 1997. № 1. С.154-168.

⁸ Смирнов, И. П. По ту сторону себя : стоицизм в лирике Бродского / И. П. Смирнов // Звезда. 2010. № 8. С. 216-226.

⁹ Радышевский, Д. Э. Дзэн поэзии Бродского / Д. Э. Радышевский // Новое литературное обозрение. 1997. № 27. С. 287-326.

¹⁰ Плеханова, И. И. Метафизическая мистерия Иосифа Бродского. Поэт времени / И. И. Плеханова. Томск : ИД СК-С, 2012. С. 72.

¹¹ Там же. С. 60.

¹² Там же. С. 7.

античного трактата «О возвышенном» видел способность человека к возвышенному в стоическом пренебрежении к «мнимым благам»¹³.

Э. Бёрк, И. Кант, Ф. Шиллер к источникам возвышенного относили ужас или опасность – огромные, физически не преодолимые и не подвластные человеку, как несчастья, болезни, смерть, и не познаваемые, как вечность и бесконечность. В чувственном и эмоциональном познании бесконечности человек ограничен, поэтому созерцание возвышенного – это «умствующее созерцание»¹⁴.

Ф. Шиллер определил возвышенное как «действие трех последовательных представлений: 1) объективной физической силы; 2) нашего объективного физического бессилия; 3) нашего субъективного морального превосходства»¹⁵.

По наблюдениям Э. Бёрка, в непосредственной близости к источнику опасности человека охватывает страх, не совместимый с чувством возвышенного, когда же ему ничего не угрожает, когда есть отстраняющая дистанция, взирая на объективно ужасное, он может испытать возвышенные эмоции – «восторженный ужас»¹⁶, «спокойствие, окрашенное страхом»¹⁷ «изумление»¹⁸.

«Абсолютное спокойствие при абсолютном трагизме»¹⁹ – это то, чего в своей поэзии, по словам А. Парщикова, достигает И. Бродский. «Освобождение от эмоциональности» в его поэтике связано с эволюцией философско-эстетической позиции. Подавляя экзистенциальный страх смерти и отчаяние,

---

¹³ О возвышенном / пер., ст. и примеч. Н. А. Чистяковой. М. ; Л. : Наука, 1966. С. 14.

¹⁴ Кант, И. Сочинения на немецком и русском языках. В 4 т. Т. 4 : Критика способности суждения. Первое введение в «Критику способности суждения» / И. Кант. М. : Наука, 2001. С. 373.

¹⁵ Шиллер, Ф. О возвышенном. I / Ф. Шиллер // Шиллер, Ф. Собр. соч. В 7 т. Т. 6. Статьи по эстетике / Ф. Шиллер. М. : Гос. изд-во художественной литературы, 1957. С. 187.

¹⁶ Бёрк, Э. Философское исследование о происхождении наших идей возвышенного и прекрасного / Э. Бёрк. М. : Искусство, 1979. С. 159.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Парщиков, А. М. Абсолютное спокойствие при абсолютном трагизме / А. М. Парщиков // Иосиф Бродский глазами современников. Сб. интервью / сост. В.П. Полухина. СПб. : Изд-во журнала «Звезда», 1997. С. 241.

И. Бродский пытается найти философскую опору в стоицизме, а эстетическую – в возвышенном.

Влияние эволюции философско-эстетической позиции И. Бродского на особенности его поэтики позволяет показать сопоставительный анализ его «большого стихотворения» «Письмо в бутылке (Entertainment for Mary)» (1964) и поэмы «Новый Жюль Верн» (1976). Эти тексты, объединенные сюжетом кораблекрушения, демонстрируют два разных взгляда на катастрофу – трагический и возвышенный. Показательно, что И. Кант, размышляя о возвышенном, использовал тот же образный ряд: человек перед многократно превосходящими его силами бушующего океана.

Второй параграф первой главы посвящен анализу стихотворения «Письмо в бутылке...». В этом стихотворении образ корабля символизирует жизненный путь человека как «бытие-к-смерти». Судно, на котором лирический субъект «поплыл и держал Норд-Норд»²⁰ и на котором потерпел крушение, – «плавающий гроб» (II, 72). Норд – не географический север, а предел жизни. Умирание сопровождается мотивом холода: «сугробы растут», «люстры льда надо мной висят», «сверкает лед» (II, 69).

Для лирического «я» романтические надежды на героическую гибель – «коня сохранить, а живот сложить» (II, 69) – обернулись случайной и нелепой смертью: «попался риф, / и он насквозь пропорол мне бок» (II, 69).

Переживание лирическим «я» своей смерти, пусть и не героической, наполнено трагическим пафосом. Смерть становится явью, а значит, жизнь – сном: «зима, весна, / августа, май – персонажи сна» (II, 71), но умирать не хочется, он боится и слишком привязан к жизни: «хочу сберечь / тени того, что еще люблю» (II, 71). Он признается: «я крепко сплю» (II, 71), т. е. жив.

При этом лирический субъект, сопротивляясь страху, пытается сгладить эмоции. Отчаяние и ужас названы печалью и грустью («грусть затая» (II, 69), «печальный взор» (II, 73)). Им, как «постыдной слабости» (II, 72),

---

²⁰ Бродский, И. А. Сочинения Иосифа Бродского. В 7 т. Т. 2 / И. А. Бродский. СПб. : Пушкинский фонд, 2001. С. 69. В дальнейшем все произведения И. Бродского приводятся по данному изданию с указанием тома и страницы в тексте автореферата.

противопоставляется рассудок: «и разум шепчет, мой верный страж, / когда я вижу огонь: мираж» (II, 70).

В «Письме...» всячески подчеркивается безвыходность ситуации: пробоина сквозная, глубоко, суши не видно, начался снегопад. Но, чтобы скрыть отчаяние, лирический субъект иронически нейтрализует детали: «снег повалил» – «летит снежок», о тонущем корабле – «тихо звенит мой челн» (II, 69).

Настойчивое стремление лирического «я» к независимости от своих эмоциональных реакций лишь подчеркивает его сосредоточенность на себе. Самое частотное средство выражения лирического субъекта в стихотворении местоимение «я».

Трагическая безысходность для лирического «я» заключается в его зависимости от корабля, он ощущает себя с ним одним целым: «я застрял, / задрав к небосводу свой левый борт» (II, 69). Понимая неизбежность смерти, он все же надеется, что это не конец: «Хотелось бы верить (увы, с трудом), / что жизнь водолаза пошлет за мной, / дав направление: „мир иной”» (II, 72). Пассивная вера в «„Великое Может Быть”...» (II, 73) не удовлетворяет лирического субъекта. Он словно заговаривает смерть, перечисляя имена людей, в отношении которых она оказалась бессильна: Морзе, Маркони, Эдисон, Архимед и др.

Доступный лирическому «я» способ сопротивления смерти – лирический монолог, который всячески ее отдаляет. Все происходит стремительно: «мышы беззвучно бегут», «море бежит» (II, 71), «пространство бежит по усам» (II, 70). Не остановить, но хотя бы замедлить движение времени позволяет структура фраз, многочисленные повторы, обращения, перечислительные ряды, вводные слова. Сопротивление чувствуется в энергичном ритме стихотворения.

В финале текста постепенное усечение катренов до терцета и одностишия и авторские ремарки «(размыто)» (II, 73, 74, 75) производят эмоциональный эффект: текст размывает или прибывающая вода, или слезы.

Лирическое «я» И. Бродского мужественно не поддается соблазну утешиться традиционной мыслью о продолжении жизни в слове. Вода и речь, волны, «бег строк» и «гуденье слов» (II, 74) обнаруживают графическое и фонетическое сходство и отождествляются: «Море, мадам, это чья-то речь... / Я слух и желудок не смог сберечь, / я нахлебался и речью полн...» (II, 74).

Лирический субъект «Письма...» не имеет физической возможности спастись, ощущает зависимость своей судьбы от Божьей воли: «никто не виновен: наш лоцман – Бог» (II, 70). Человек же может только направить свои усилия на то, чтобы умереть достойно.

Лирический субъект И. Бродского, несмотря на стремление к моральному превосходству над ситуацией, зависим, эмоционален. Все это наполняет стихотворение трагическим пафосом. При отсутствии дистанции, в непосредственной близости смерти, в бушующей стихии, с пробоиной в борту, возвышенное состояние духа лирическому субъекту недоступно: «Прошу лишь учесть, что хоть рвется дух / вверх, паруса не заменят крыл» (II, 69). Он остается в парадигме трагедии.

Третий параграф первой главы посвящен анализу поэмы «Новый Жюль Верн». В поэме, как и в «Письме в бутылке...», корабль – пространство жизни. Свойство живого – эмоции, и их здесь целая палитра: обезьяна кричит, матросы нервничают, лейтенант во власти романтических настроений, капитан погружен в воспоминания и «одинокие мысли о себе» (III, 116). Речь пассажиров и экипажа эмоциональна, насыщена оценочными определениями («восхитительный херес» (III, 116)), междометиями («Ах» (III, 117)), восклицательными и вопросительными предложениями («Конечно, эрцгерцог монстр!» (III, 116), «...а если открылась течь?» (III, 116)).

Корвет как часть суши и спокойный, невозмутимый океан («Безупречная линия горизонта, без какого-либо изъяна» (III, 115)) символизируют жизнь и смерть. «Торжество воды в состязании с сушей» (III, 120) – абсолютное превосходство смерти над жизнью.

Находящиеся на борту судна люди предчувствуют смерть и боятся ее: «Я всю ночь не могла уснуть» (III, 116), «Капитан, в этих местах затонул „Черный Принц” / при невыясненных обстоятельствах» (III, 118).

В поэме нет описания кораблекрушения, не раскрывается причина катастрофы, только «какой-то гигантский спрут» (III, 118), полные ужаса глаза людей: «И он лезет к нам! Николай!..» (III, 118), и человек, идущий ко дну: «Из рта вырываются пузыри. / В глазах возникает эквивалент зари. / В ушах раздается некий бесстрастный голос, считающий: раз, два, три» (III, 119).

В инобытии время останавливается, приходит понимание стремительности жизни: «Там, под водой, с пересохшей глоткой, / жизнь представляется вдруг короткой» (III, 119). Пространство инобытия, смоделированное лирическим субъектом, имеет узнаваемые черты: «какие-то арки и своды» (III, 119), вокруг – привычные предметы: «письменные принадлежности» (III, 119), «вино, икра» (III, 120).

Возможность такого взгляда на кораблекрушение и его последствия свидетельствует о том, что его носитель уже пересек границу между жизнью и смертью. Он, в отличие от лирического «я» «Письма в бутылке...», хотя и говорит, что «жуткий вид» «жителей моря» «леденит нашу кровь» (III, 117), смерти не боится. Для него пространство смерти – объект анализа, размышлений.

Он не находится во власти эмоций, не ограничен пределами собственной личности. Для обозначения лирического субъекта в поэме местоимение «я» не употребляется ни разу. Преодоление субъективности осуществляется посредством сопоставления разных точек зрения:

Когда корабль не приходит в определенный порт
ни в назначенный срок, ни позже,
Директор Компании произносит: «Черт!»,
Адмиралтейство: «Боже» (III, 120).

Там, где в поэме звучит голос лирического «я», интонация спокойна, нейтральна, нетороплива. Речь, полная причастных и деепричастных оборотов, перечислений, течет медленно и плавно.

Лирический субъект поэмы, словно эпический автор, не участвует в событиях, независим, держит дистанцию, свободно ее регулирует. В конце поэмы на катастрофу он смотрит сверху вниз, увеличивается обзор, теряется четкость предметов: «что-то мелькает в газетах», «женщина в чем-то коричневом», «вдалеке на волне покачивается какой-то / безымянный предмет» (III, 121). Он возвышается над трагедией, тогда как женщина, потрясенная известием о кораблекрушении, «хватается за косяк / и оседает на пол» (III, 121).

Сопротивляться смерти физически невозможно, ее нельзя понять и объяснить, «пока не пойдешь на дно» (III, 118), а потому «нечего вопрошать / ни посредством горла, ни с помощью радиозонда» (III, 120). Остается только эстетическое созерцание, сдержанное восхищение, изумление: «Сильно дует сирокко. Лучшего адвоката / молчаливые волны могут свести с ума / красотой заката» (III, 120).

В конце поэмы в лишенном всяких субъективных комментариев известии о смерти утверждается общечеловеческий пафос поэмы: «И колокол глухо бьет / в помещении Ллойда» (III, 121).

В поэме «Новый Жюль Верн» преодоление эмоциональности, рационалистичность, отказ от субъективных суждений и нейтральная, спокойная интонация, хотя и кажутся на первый взгляд прозаизацией поэзии, на самом деле не выводят поэта за пределы лирического рода, а являются поэтическими способами выражения его возвышенной эстетической позиции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Формирование бесстрастной художественной манеры И. Бродского обусловлено эволюцией его философских и эстетических взглядов. В поиске способа жить в «присутствии» экзистенциальных знаний о мире философскую опору поэт пытается найти в стоическом бесстрастии как духовном превосходстве над ситуацией, которой бессмысленно сопротивляться.

Стоицизму соответствует возвышенная эстетическая позиция, не совместимая со страхом смерти, эмоциональным отношением к происходящему и основанная на холодной рассудочности.

Стихотворение «Письмо в бутылке...» и поэму «Новый Жюль Верн» объединяет: морское художественное пространство как источник опасности – в «Письме...» оно поглощает самого лирического субъекта, а в поэме – «оставшихся за кормом» (III, 115); образ корабля, символизирующий путь человека от жизни к смерти; мотив умирания как замерзания, холодности – и физической, и эмоциональной.

Главное, в чем расходятся стихотворение и поэма, – это взгляд на катастрофу. Трагическое переживание смерти в стихотворении и возвышение над ней в поэме обусловлены степенью включенности субъекта в лирический сюжет.

Если в «Письме...» пребывающий в парадигме трагического лирический субъект гибнет в кораблекрушении, то в «Новом Жюль Верне» он наблюдает за катастрофой со стороны.

В стихотворении лирический субъект глубоко переживает свою смерть, боится ее. Лирического субъекта поэмы, напротив, смерть не пугает – страх перед ней испытывают пассажиры и члены экипажа корвета, которым он даже не сочувствует.

Лирический субъект «Письма...» эмоционален, хотя и стыдится этого. Все попытки сдерживать чувства уводят его, предельно сосредоточенного на своей трагедии, внутрь – все глубже и глубже. Лирический субъект «Поэмы...» бесстрастен, все подвергает холодному анализу.

Безысходная физическая зависимость лирического субъекта «Письма...» от своего корабля определяет угол его зрения – он видит кораблекрушение относительно себя, с поверхности воды, тогда как лирическому субъекту поэмы доступны все уголки смоделированного им пространства, включая инобытие.

Если в стихотворении лирический субъект ощущает только, как водное «пространство бежит по усам» (II, 70), то в поэме он отчетливо представляет

идушего ко дну человека, передает его ощущения отстраненно, но с такой степенью подробности, как будто сам это пережил.

В «Письме в бутылке...» существует единственный субъект речи, как правило, выраженный местоимением «я». В поэме субъективность преодолевается не только категорическим отказом от местоимения «я», но и звучанием разных голосов, использованием нейтральных определений. Свою возвышенную позицию лирический субъект поэмы не навязывает читателю и в любых суждениях старается быть убедительным.

Бессильный в противостоянии натиску природной стихии, олицетворяющей смерть, лирический субъект «Письма...» тем не менее сопротивляется – внутренне, в сознании, и физически – речью, многоговориением. В поэме никаких попыток отсрочить или приблизить катастрофу не предпринимается, напротив, синтаксической структурой отдельных фраз и общим интонационным строем поэма словно повторяет медленное, размеренное течение времени.

Общая структура «Письма...» имитирует спонтанность лирического монолога, допуская неоднократные повторения одной и той же мысли, отвлечения от главной темы и возвращения к ней: «Итак, возвращая язык и взгляд / к барашкам на семьдесят строк назад» (II, 72). Композиция же поэмы тщательно продумана, выделены части, некоторые озаглавлены, все структурные элементы расположены в строгой смысловой зависимости друг от друга.

Различие формальных приемов в двух тематически близких произведениях И. Бродского свидетельствует об изменении его философско-эстетической позиции. В стихотворении отказ от идеи поэтического бессмертия является окончательным признанием невозможности разрешить трагический конфликт между жизнью и смертью, а отсутствие дистанции не позволяет возвыситься над ним. В поэме отстраненность лирического субъекта от изображаемых трагических событий позволяет И. Бродскому достичь желаемого эстетического эффекта – «абсолютного спокойствия при абсолютном

трагизме». Преодоление страха дает внутреннюю свободу, эстетическим эквивалентом которой является возвышенное.